

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
E-ISSN: 2409-1707
2021. 9(1): 4-14

DOI: 10.13187/vs.2021.1.4

www.ejournal6.com

Articles

Development of the Theory of "Hybrid Confrontation": A Historical Retrospective

Oleg V. Tikhanychev ^{a, *}^a Company group «Technoserv», Moscow, Russian Federation

Abstract

At present, the intensity of discussion of new methods of military and non-military interstate confrontation has intensified. One of the new concepts is the so-called "hybrid war". Many Western theorists attribute to our country authorship and active use of this approach in modern conditions.

The article analyzes the main components of "hybrid" actions and, based on the analysis of historical experience, concluded that these approaches have deep historical roots. This is not about classic mercenaries, namely, "hybrid" actions, when the customer is hiding and the purpose of attracting hired formations, and military actions are accompanied by massive information attacks. Examples of such actions, as shown by historical analysis, can be found already in wars of the XV–XVII centuries. And the leader in their organization was not our country, but the states of the Anglo-Saxon bloc.

Based on the analysis of the experience of wars and armed conflicts, the conclusion is drawn that the threat of "hybrid" action is extremely urgent now and in the foreseeable future. Moreover, in the long term, other approaches to the organization of interstate confrontation, encountered earlier in history, but taking into account the new conditions for the development of civilization, may be used. A conclusion is drawn on the need to ensure Russia's readiness for such threats.

Keywords: hybrid wars, historical retrospective, soft power in history, gray zone war, promising military concepts.

1. Введение

Одной из задач подготовки любой войны всегда была и минимизация ответного ущерба, наносимого противником. Для достижения этой цели используется множество стратегий, одна из которых – использование методов «непрямого» противоборства (Liddell Hart, 1954). А одной из форм «непрямых» действий можно считать «гибридную войну». Хотя данная форма военных действий не принята в официальных оборонных концепциях большинства современных государств, её, как показывает исторический анализ, неоднократно применяли и применяют для решения геополитических проблем.

В настоящее время существует несколько вариантов определения данной формы комплексного противоборства, в основном сводящихся к тому, что «гибридная война» (англ. hybrid warfare) – это не прямые действия со скрытым использованием военной силы,

* Corresponding author

E-mail addresses: tow65@yandex.ru (O.V. Tikhanychev)

сопровождающимся активным информационным и экономическим давлением на противника (Маркус, 2014; Савин, 2016; Murray, Mansoor, 2012; Манойло, 2015; Fox, Rossow, 2017; McDermott, 2017; Fridman, 2017; Caliskan, 2019; Eyvazov, 2017).

Несмотря на значительный опыт практического использования, в теории «гибридных войн» имеется достаточно много нерешенных вопросов: как по их структуре, так и относительно границ применения составных компонентов «гибридных войн», что делает вопрос, сформулированный в статье своевременным и актуальным. Решение проблемы предлагается искать за счёт исторического анализа развития основных компонентов «гибридных войн»: скрытой силовой, информационной и экономической.

2. Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования был избран системный подход, а также принципы историзма и объективности. Это позволило покомпонентно проанализировать и осмыслить характер возникновения и основные принципы ведения «гибридных» войн. Использование системного подхода, методов декомпозиции и сравнительного анализа, дало возможность рассматривать в комплексе вопросы организации «непрямых» действий, их «нетрадиционных» (диффузных, «гибридных») форм. Для этой цели, в статье использовались методы сравнительно-исторического анализа и обобщения.

Источниковую базу исследования составили исторические и нормативные документы, находящиеся в открытом доступе.

3. Обсуждение и результаты

3.1. Анализ истории вопроса

Тезис, что цель войны может быть достигнута не только силовыми методами, сформулирован достаточно давно, ещё в трактате Сунь-Цзы «Искусство войны» (孫子兵法) в VI веке до нашей эры. В нём в образной форме говорится: «Самая лучшая война – разбить замыслы противника. На следующем месте – разбить его союзы. Затем разбить его войска. И самое худшее – осаждать города». И там же: «Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь».

В дальнейшем, в той или иной степени, элементы концепции «непрямых» («гибридных») действий прослеживаются в работах таких теоретиков в области геополитики как Лиддел Гарт (В.Н. Liddell Hart), Хэлфорд Маккиндер (Halford John Mackinder), Рудольф Челлен (Johan Rudolf Kjellén), Збигнев Бжезинский (Zbigniew Kazimierz Brzeziński), Френсис Фукуяма (Yoshihiro Francis Fukuyama), Сэмюэл Хантингтон (Samuel Phillips Huntington), Рональд Инглхарт (Ronald Franklin Inglehart) и других.

Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что до настоящего времени основная составляющая «гибридных» действий, это всё же привлечение вооруженных группировок и организаций для решения геополитических проблем, пусть и в скрытой форме (Першин, 2020; Dugan, 1998).

В то же время, как показывает исторический анализ, соотношение силовых и не силовых компонентов в структуре «гибридных войн» менялось на разных исторических периодах и театрах военных действий, в том числе – в зависимости от цели действий. В статье предлагается, на основе анализа данного процесса, оценить современное состояние и перспективы развития «гибридного противоборства», сформулировать существующие проблемы и наметить возможные пути их решения.

3.2. Структура «гибридных войн» и её изменение на разных исторических периодах

Исторический анализ позволяет сделать вывод о том, что форма опосредованного участия в конфликтах, реализуемая на ранних этапах военного искусства в форме наёмничества, применялась с давних пор. Упоминание об этом приводится ещё в «Анабасисе» (греч. Ἀνάβασις) Ксенофонта. Впрочем, в то время наёмничество не считалось чем-либо незаконным и использовалось открыто.

В период с XV по XVII век, большую роль в разрешении внутриевропейских конфликтов играли отряды наёмников – немецких и швейцарских ландскнехтов

(нем. Landsknecht), ирландских «диких гусей» (англ. Wild Geese). Использование наёмничества в эту эпоху связано, в первую очередь, с экономическими причинами: во-первых, обращение с холодным оружием требовало определённых навыков, которым нужно было долго обучаться и постоянно их поддерживать, во-вторых, содержать постоянную боеготовую армию было дорого для небольших государств и вольных городов, из которых в тот период состояла Европа, для решения задач проще было нанять стороннюю силу.

Впрочем, наёмничество того времени было ещё даже не прообразом «гибридных» форм действий, а вполне легальным способом разрешения конфликтов с привлечением внешних участников. Лишь с началом становления системы межгосударственных отношений, действия наёмных воинских формирований пришлось каким-либо образом скрывать, по крайней мере, в Европе. Хотя, как показывает исторический анализ, в других регионах наёмники использовались практически до середины XX века.

В Европе же, начиная с XVIII века, под влиянием фактора объединения и укрупнения государств, роста эффективности производства, потребность в наёмных армиях стала снижаться. Кроме политических и экономических факторов, на сокращение масштабов наёмничества повлияла и недостаточная мотивированность отрядов наёмников, а также появление огнестрельного оружия, использование которого требовало меньших навыков и было доступно не только профессионалам. Считается, что последним конфликтом с массовым применением наёмников была «Тридцатилетняя война» (нем. Dreißigjähriger Krieg) 1618–1648 годов.

В новейшей истории наиболее ранним из классических примеров «гибридных» действий, близком к современному пониманию этого явления, может служить гражданская война в Испании (исп. *Guerra Civil Española*), проходившая с июля 1936 по апрель 1939 года. Конфликт вёлся с привлечением сторонних вооружённых формирований и добровольцев, при внешнем соблюдении соглашения о «невмешательстве», подписанного большинством европейских держав (Огарков, 1977; Дюпуи, 1998; Рыбалкин, 2000).

И в дальнейшем масштаб «гибридных» действий не уменьшился, а силовая компонента по-прежнему составляет существенную роль в их структуре. Пусть наёмничество запрещено документами ООН (Официальный сайт ООН, 1989), но и сейчас можно отметить факты использования наёмников, уже в форме частных военных компаний (ЧВК).

Впрочем, использование ЧВК является не единственным примером силовых действий «гибридного» характера в наше время. Другим вариантом, например, является поддержка антиправительственных вооружённых формирований внутри страны-противника. Таких, как созданное США для противодействия сначала СССР, а потом просоветскому правительству Афганистана движение Талибан (пушту طالبان – студенты, учащиеся медресе). Или создание и поддержка ими же так называемой «сирийской умеренной оппозиции».

В этой связи можно отметить, что в последние десятилетия в мире велось значительное количество конфликтов, существенная часть которых обладает той или иной степенью «гибридности». Некоторые из них:

- война в Индокитае 1945-1954 годов;
- война в Корее 1950-1953 года;
- война во Вьетнаме 1965-1975 годов;
- война за независимость в Эритрее 1961-1991 годов;
- война в Анголе 1975-2002 года;
- вооружённые конфликты в Афганистане 1979-1989 и 2001-2014 годов;
- война в Ливии 2011 года;
- ряд локальных конфликтов на территории бывших СССР и Югославии в период 1991–2021 годов;
- вооружённый конфликт в Сирии, начавшийся в 2011 году.

Определёнными признаками «гибридного» конфликта, хоть и в мягком варианте, обладала так называемая «холодная война» 1948–1991 годов. Аналогичные «гибридные» действия развязаны в настоящее время против России.

С учётом опыта последних, не следует забывать, что в структуре «гибридных войн», кроме силовой, существуют и несиловые составляющие: информационная и экономическая

(Тиханьчев, 2019). И, как показывает анализ исторической ретроспективы, соотношение между компонентами постепенно меняется в пользу несиловых, но не менее опасных и разрушительных, как показал распад Советского союза и Югославии.

Так, одновременно с завершением эпохи наёмных армий, упомянутая ранее «Тридцатилетняя война» показала значительное повышение интенсивности информационной составляющей военных действий. С распространением печатного дела, информационная составляющая стала значимой частью «гибридных» действий. Подобные действия, например, против нашей страны, со временем становились всё активнее: от книги «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна (лат. *Regum Moscoviticarum Commentarii*) до агитационных листовок времён Первой мировой войны (Симонов, 2016; Мальцев, 2012; Белоусов, Телегина, 2008; Ильин, 1992).

По мере дальнейшего развития коммуникационных технологий, разнообразие и объём информационных действий, реализуемых, в первую очередь, в форме пропаганды, росли. Яркие примеры этому можно найти в период подготовки и ведения Первой мировой войны: массовая публикация пропагандистских статей во французских и английских периодических изданиях, действия Комитета общественной информации (комитет Крила, *Creel Committee*) в США.

В дальнейшем, в годы Первой мировой войны появившаяся фотография позволила публиковать в средствах массовой информации изображения с мест боёв. И если в первое время этот процесс сдерживался принципами морали, то со временем необходимость повышения эффективности пропаганды взяла верх над нравственностью. В 1915 году англичане впервые использовали для пропаганды фото убитых солдат противника, их примеру последовали немцы, а в последствии - другие участники конфликта. Война во Вьетнаме стала первым конфликтом эпохи телевидения, и она шагнула с экранов почти в каждый дом. В настоящее время, с появлением Интернета, видео с места боёв стало обычным явлением, война, в том числе «гибридная» стала вестись практически в прямом эфире. Что, конечно, активно используется в составе информационной составляющей «гибридных» действий.

По мере расширения перечня используемых средств и их количества, растёт разнообразие форм информационного противоборства, в котором специалисты выделяют частные направления: психологические операции, война в медиапространстве, кибероперации (или техносферная война). Для решения задач в рамках указанных форм создаются специализированные подразделения информационно-психологического противоборства (JP 3-13, 1998), кибер-командования, такие, как американское USCYBERCOM. Кроме штатных подразделений применяется большое количество организаций, используемых скрытно, на коммерческой основе, как для ведения киберразведки, так и для выполнения других функций в рамках «гибридных» действий. По оценкам журнала *Newsweek*, только в США численность привлекаемых на такой основе специалистов на 2021 год составляет порядка 60 тысяч человек. Проблема оценки влияния информационной составляющей «гибридных» действий усложняется тем, что последние привлекаются к «гибридным» действиям с максимальной скрытностью, из так называемых «серых зон» (англ. *Gray zone – GZ*).

Впрочем, наличие подобных формирований меняет структуру привлекаемых к «гибридным» действиям сил, но не меняет сущности информационных действий в «гибридной войне». Отличия от ранее используемых методов заключаются, преимущественно, в применяемых технологиях, обеспечивающих динамичность воздействия и масштаб охвата аудитории (Выпасняк и др., 2013).

С наступлением постиндустриальной эпохи, информационное противоборство дополнилось применением деструктивных социально-политических технологий (Sharp, 1973), которые настолько эффективны, что их можно выделить как ещё одну составляющую «гибридной войны». Более того, их разнообразие даже позволяет проводить внутреннюю классификацию таких действий: от простой финансовой и информационной поддержки оппозиционных течений и создания внутри государства-противника «пятой колонны», до операций по распространению влияния, обеспечивающих, в перспективе, так называемую «мягкую оккупацию» (*soft occupation*) страны и переход её под внешнее управление (Harsin, Jayson, 2015; Parmar, 2012). Одним из первых случаев применения

подобных технологий на практике считается государственный переворот 1953 года в Иране (операция «Аякс» – TP-AJAX). Соответственно, появились и активно развиваются организации, реализующие подобные технологии на практике, такие, как американский «Национальный фонд в поддержку демократии» (англ. National Endowment for Democracy – NED) и ему подобные.

И ещё один значимый аспект «гибридных» войн – их экономическая составляющая. В исторической ретроспективе её использование началось с переходом от обособленных национальных экономик к мировой системе хозяйствования, связанной, хоть и в ограниченном масштабе, с межгосударственным разделением труда и международной торговлей. На начальном этапе экономическая война осуществлялась, преимущественно, в форме запретов на поставку или вывоз определенных товаров. Типичным примером может служить континентальная блокада Великобритании наполеоновской Францией в период 1806–1813 годов.

С развитием промышленности и международной торговли, формы противодействия существенно расширились: товарные, сырьевые, технологические, финансовые (Лунтовский и др., 2010).

К ранним формам экономической составляющей «гибридного» противоборства можно отнести различные формы блокад. В эпоху раннего развития товарных отношений это были, преимущественно, морские и континентальные блокады путей поставки товаров и сырья. В эпоху глобализации экономики, блокада чаще применяется и как вид финансового противоборства. Она может принимать разнообразные формы: от прямого блокирования финансовых счетов отдельных лиц и даже правительств государств-противников, до косвенных методов на основе запретов. Примером первого типа действий могут служить блокировки зарубежных счетов Ирака в 2012 году и Венесуэлы в 2019. Косвенные методы явно просматриваются в запретах на прохождение средств через «третьи страны» и компании или блокировке доступа иранских банков к системе SWIFT в 2018 году.

В наше время экономические блокады, чаще всего реализуемые в форме санкций, продолжают оставаться активным инструментом «гибридного» противоборства. В период с 1971 года до конца XX века можно отметить около ста двадцати случаев санкций, в первую очередь в рамках экономической войны запада против СССР. В XXI веке указанный инструмент используется не менее интенсивно: от заградительных таможенных пошлин, до американских законов «О контроле над экспортом» и «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, CAATSA) 2017 года (Бокарев, 2007). Санкционные механизмы активно используются США и их союзниками до сих пор, несмотря на изменившиеся геополитические условия, например, такие, как список особо обозначенных и исключенных физических и юридических лиц (Specially Designated Nationals and Blocked Persons – SDN).

Одной из крупнейших проблем применения экономического противоборства в рамках «гибридных» действий различной интенсивности, является субъективность определения границы, на которой заканчивается конкуренция, добросовестная она или нет, и начинается экономическое противоборство в целях нанесения ущерба государству-противнику. Возникающая в результате неопределённость может привести к переходу экономических «гибридных» действий в классическую «горячую» фазу войны, как это уже было с нефтяными санкциями США против Японии в июне-ноябре 1941 года.

Нельзя не вспомнить ещё одну составляющую экономического противоборства, находящуюся на грани гуманитарно-допустимого – ресурсную. История войн и военного искусства показывает примеры использования ресурсного противоборства в рамках «классических» боевых действий античности и средних веков, которые велись до появления международных законов по гуманизации войны. Это были осады крепостей для предотвращения поставок провианта и боезапаса, в ряде случаев - перекрытие источников водоснабжения для обороняющихся. Как оказалось, подобные методы могут использоваться и в наше время, в рамках «гибридных» действий. Более того, с ростом технических возможностей и разнообразия экономических связей в современном мире, формы ресурсного противоборства меняются, используя в виде транспортной, энергетической и даже как в доисторические времена – водной блокады. Типичные примеры последнего вида действий – попытка отвести воды реки Иордан от Израиля, послужившая одной из причин

начала «шестидневной войны» 1967 года, или энергетическая и водная блокада Крыма, начатая в 2014 году.

Близким к некоторым видам ресурсного противоборства можно считать потенциально возможное применение климатического, тектонического и других видов глобального оружия. Подтверждённых сведений о его наличии не имеется, есть только предположения о его разработке некоторыми странами (Ginestet, 2019). Но, в случае появления такого оружия, оно станет практически идеальным средством ведения «гибридной войны».

Таким образом, из исторического анализа «гибридных» действий, в том числе, в новейшей истории, можно сделать ряд выводов:

- теория и практика ведения «гибридных войн», как средства разрешения конфликтов, не военное «ноу-хау», а давно используемая форма решения геополитических проблем, которая в современных условиях используется достаточно активно и, вероятно, будет всё возрастающей интенсивностью использоваться впредь;

- содержание «гибридных войн» в современных условиях смещается в сторону применения невоенных методов противоборства, при этом опасность последних, переход при их использовании «гибридного» конфликта в «горячую» фазу, в условиях информатизации общества и глобализации современного мира возрастает;

- обвинять в разработке теории «гибридных войн», как средства решения конфликтов, какое-либо одно современное государство некорректно с исторической точки зрения. А тем более, как это принято в настоящее время – апеллируя к конфликтам последнего времени, обвинять нашу страну в создании и преимущественном использовании такой формы действий. Если оценивать историческую ретроспективу в этой связи, то методы войны «чужими руками» и пропаганда намного чаще использовались западными странами. Более того, современные концепции вооруженного противоборства США и НАТО, такие как «Дистанционные боевые действия» (Remote Warfare), «Бой в многодоменном пространстве» (Multidomain battle), рекомендации Консультативного совета по международной безопасности (International Security Advisory Board – ISAB) Федерального консультативного комитета США по действиям в «серых зонах», только подтверждают этот тезис. Как за счёт скрытного использования роботизированных систем на чужой территории, дистанционных разведывательных и атакующих кибер-акций со скрытием источников формирования воздействий, так и перераспределением усилий между доменами силовых и информационных операций.

3.3. Некоторые выводы

Что даёт проведённый исторический анализ для развития современной теории и практики решения геополитических проблем? Он не просто позволяет сделать вывод о том, что история не чисто теоретическая наука, исследующая прошлое, а инструмент, обеспечивающий на практике получение и оценку практических рекомендаций развития. Проведённый анализ позволяет сделать определённые выводы в части развития теории «гибридных войн» и выработать рекомендации по парированию «гибридных» угроз.

Во-первых, нелогично признать «гибридную войну» принципиально новым способом разрешения политических конфликтов: хотя название это появилось относительно недавно, сам принцип ведения «гибридных» действий используется довольно давно. Тем более нелогично признавать авторство этого явления за нашей страной, в том числе учитывая, что «гибридная война» является формой разрешения конфликтов с применением «непрямых» действий, впервые описанных английским военным экспертом Бэзилем Генри Лиддел Гарттом (B.H.Liddell Hart).

Во-вторых, разнообразие «гибридных» действий показывает, что считать «гибридную» войну единым, однородным явлением нельзя. Реализуемые в её рамках действия различаются по целям, применяемым методам и степени «гибридности» (Бартош, 2019).

В-третьих, на исторической ретроспективе мало менялся принцип, но существенно изменились применение и структура участвующих в «гибридных» конфликтах «гибридных сил», произошло их своеобразное «расслоение». Слабо подготовленные в военном отношении, но приспособленные к району ведения боевых действий формирования по-прежнему набираются из местных ополченцев. А высокотехнологичная военная составляющая, роль которой постоянно возрастает: технически оснащённые и подготовленные силы специальных операций, ударная и разведывательная авиация, в том

числе беспилотная, космическая разведка – предоставляются скрытыми участниками конфликта и, чаще всего, базируются вне театра военных, действуя в «серых зонах». В том числе силы информационного противоборства, от штатных кибер-команд до организаций типа NED. Для руководства «гибридными» действиями создаются специализированные органы управления, временные, но на профессиональной основе и с высокотехнологичным оснащением, такие, как многодоменные оперативные группы (Multi-Domain Task Force - MDTF). Этот факт показывает, что в странах НАТО воспринимают повышение активности использования «гибридных» действий и сил не как случайный процесс, а как тенденцию, которая может изменить подходы к геополитическому противоборству в будущем.

В-четвёртых, возрастающая роль несиловых методов: информационного противоборства и деструктивных социальных технологий, экономической войны, требует организации новых мер противодействия, не лежащих в плоскости вооруженного противоборства. И не только прямых, но и ассиметричных, связанных с информационным противоборством, экономическими мерами и использованием социальных технологий.

Комплексный подход тем более важен, учитывая, что влияние некоторых составляющих «гибридных войн», например, того же информационного и экономического противоборства имеет отсроченное действие, влияя на перспективу, на состояние, складывающееся на протяжении нескольких лет или даже десятилетий. Если подвергающаяся такому воздействию сторона будет выжидать с реакцией до наступления последствий, она однозначно опоздает с ответом. Соответственно, и противодействовать таким воздействиям нужно начинать заранее, обеспечив переход от реактивных методов управления противоборством к проактивным, основанным на прогнозировании и долгосрочном планировании.

В-пятых, с учётом существующего опыта и «правового вакуума» в данном вопросе, «гибридному» нападению в настоящее время может подвергнуться любое государство, вне зависимости от проводимой им политики и географического расположения. Это требует от государства, бизнеса и граждан быть в готовности к недружественным политическим, экономическим и информационным действиям, а от современных армий – готовности к ведению подобных конфликтов.

И последнее, применение «гибридных» методов приводит к существенной трансформации структуры противоборства: расширению перечня явных и скрытых участников конфликта, вовлечению в конфликт негосударственных структур и межгосударственных корпораций, изменению объектов воздействия, размыванию границ и этапов развития конфликта. Всё это приводит к невозможности оценивать «гибридные» конфликты на основе существующего международного законодательства. В результате возникает потребность в редактировании законодательства о военных конфликтах, например, в части понятия «агрессия», уточнив его понимание, задаваемое Резолюцией Генеральной ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года № 3314 как «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций». Это, впрочем, относится и к другим международным законодательным актам, регулирующим ведение военных действий.

4. Заключение

Особенности «гибридных войн», частота их возникновения, требуют адекватной реакции на геополитические процессы, например, уточнения международных и внутренних документов, регулирующих области, в которых могут быть реализованы «гибридные» действия. В первую очередь даже не в военной сфере, а в части трансграничных форм несиловых «гибридных» действий: информационного и экономического противоборства. Например, необходимо чётко определить границы перехода от экономической конкуренции, через «недружественные действия» экономического и юридического характера, к экономической войне, как составной части «гибридной войны». Требуется, также, регламентация деятельности в кибер-сфере и в информационном пространстве в целом, ряд других мер: как в части разработки регламентирующих документов, позволяющих вывести участников конфликтов из «серых зон», так и создания международных органов контроля и регулирования, подобных созданным сейчас в сфере

применения ядерной энергии (МАГАТЭ) или по контролю за нераспространением химического оружия (ОЗХО).

Представляется логичным, что выполнение подобных рекомендаций может быть реализовано на основе оценки исторического опыта развития «гибридного» противоборства. В том числе опыта, проанализированного в данной статье.

Литература

Бартош, 2019 – Бартош А.А. Модель гибридной войны // *Военная мысль*. 2019. №5, С. 6-23.

Белоусов, Телегина, 2008 – Белоусов К., Телегина И. СМИ Британии: колониализм и охота на крыс на российском престоле: от Ивана Грозного до Владимира Путина // *Россия сегодня*. [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/inrussia/20080407/240666.html> (дата обращения: 07.04.2008)

Бокарев, 2007 – Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970-1980-е годы / ИРИ РАН. М. : Наука, 2007. 381 с.

Выпасняк и др., 2013 – Выпасняк В.И., Тиханьчев О.В., Гахов В.Р. Кибер-угрозы автоматизированным системам управления // *Вестник Академии военных наук*. 2013. № 1(42). С. 103-109.

Дюпуи и др., 1998 – Р. Эрнест Дюпуи, Тревор Н. Дюпуи. Всемирная история войн (в 4-х тт.). Книга 4 (1925-1997). СПб., М., «Полигон – АСТ», 1998. С. 35-36.

Ильин, 1992 – Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России. М.: Пересвет, 1992. 64 с.

Лунтовский и др., 2010 – Денежное обращение России: Исторические очерки. Каталог. Материалы архивных фондов: в 3-х томах / Банк России; [ред. совет: Г.И. Лунтовский, А.Н.Сахаров, А.В.Юров]. М.:ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010.

Манойло, 2015 – Манойло А.В. Цветные революции в контексте гибридных войн // *Право и политика*. 2015. № 10. С. 1400-1405.

Мальцев, 2012 – Мальцев Д. «Черные мифы» о русских царях // *Русская народная линия*. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/05/31/chernye_mify_o_russkih_saryah/ (31.05.2012)

Маркус, 2014 – Маркус Дж. Гибридная война Путина – головная боль НАТО Сайт BBC. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/12/141106_nato_russian_strategy

Огарков, 1977 – Интернациональные бригады в Испании // *Советская военная энциклопедия* (в 8 тт.) / под ред. Н.В.Огаркова. том 3. М.: Воениздат, 1977. С. 567.

Официальный сайт ООН, 1989 – Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1989 года. Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml

Першин, 2020 – Першин Ю.Ю. Гибридная война: неуловимые армии и невидимые руки // *Вопросы безопасности*. 2020. № 2. С. 48-71. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.2.32680

Рыбалкин, 2000 – Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. стр.43-45

Савин, 2016 – Савин Л. Кто придумал гибридную войну? Пентагон обвиняет Россию в создании новых форм боевых действий // *Столетие*, 26.02.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/kto_pridumal_gibridnuju_vojnu_615.htm

Симонов, 2016 – Симонов А. Информационная война Запада против Ивана Грозного // *Военное обозрение*. [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/102277-informacionnaya-voyna-zapada-protiv-ivana-groznogo.html> (дата обращения: 19.10.2016)

Тиханьчев, 2019 – Тиханьчев О.В. «Гибридные» войны: история, современное состояние, основы противодействия // *Национальная безопасность / nota bene*. 2019. № 1. С. 39-48. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.1.28100

Эйвазов, 2017 – Эйвазов Д. Секьютеризация и региональная активность держав на примере России в украинском кризисе // *Международные процессы*. 2017. Т. 15. №4. С. 156-173. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.9

Caliskan, 2019 – Caliskan M. Hybrid warfare through the lens of strategic theory // *Defense & Security Analysis*. 2019. Vol. 35. Pp. 40-58.

- Dugan, 1998** – *Dugan J. C.* Elusive armies and invisible hands: combining conventional and guerrilla forces from 1776 to the present. Monterey: Naval Postgraduate School, 1998. 164 p.
- Fox, Rossow, 2017** – *Fox A.C., Rossow A.J.* Making Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo–Ukrainian War (англ.) // *The Land Warfare Papers*. 2017. № 112.
- Fridman, 2017** – *Fridman Ofer.* The Danger of “Russian Hybrid Warfare”. Cicero Foundation great Debate Paper. 2017. No. 17/05. 16 p.
- Ginestet, 2019** – *Ginestet A.* Climate-security nexus: System Theory of Violence and Complexity Architecture. COBAWU Institute, Wuppertal, Germany, February 15th – November 2019. 8 p.
- JP 3-13, 1998** – Joint Pub 3-13 «Information Operations», DOD US, December 1998. [Electronic resource]. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf
- Harsin, 2015** – *Harsin J.* Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies. *Communication, Culture & Critique*. 2015. 8(2): 327-333.
- Liddel Hart, 1954** – *Liddel Hart B.H.* Strategy The Indirect Approach. New-York, 1954. 560 p.
- McDermott, 2017** – *Roger N. McDermott.* Russia’s Electronic Warfare Capabilities to 2025: Challenging NATO in the Electromagnetic Spectrum. International Centre for Defence and Security. Tallin. 2017. 48 p.
- Murray, Mansoor, 2012** – *Murray Williamson, Mansoor Peter R.* Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. Cambridge University Press, 2012.
- Parmar, 2012** – *Parmar I.* US Presidential Election 2012: Post-Truth Politics // *Political Insight*. 2012. 3#2: 4-7.
- Sharp, 1973** – *Sharp G.* The Politics of Nonviolent Action. Boston, MA: Porter Sargent. 1973. 72 p.

References

- Bartosh, 2019** – *Bartosh, A.A.* (2019). Model' gibridnoi voyny [Hybrid warfare model]. *Voennaya mysl*. 5: 6-23. [in Russian]
- Belousov, Telegina, 2008** – *Belousov, K., Telegina, I.* (2008). SMI Britanii: kolonializm i okhota na krysa na rossijskom prestole: ot Ivana Groznogo do Vladimira Putina [British media: colonialism and the hunting of rats on the Russian throne: from Ivan the Terrible to Vladimir Putin]. *Rossiya segodnya*. [Electronic resource]. URL: <http://inosmi.ru/inrussia/20080407/240666.html> [in Russian]
- Bokarev, 2007** – *Bokarev, Yu.P.* (2007). SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade, 1970–1980-e gody [USSR and the formation of post-industrial society in the West, 1970–1980s]. Moscow: Nauka Publ., 381 p. [in Russian]
- Caliskan, 2019** – *Caliskan, M.* (2019). Hybrid warfare through the lens of strategic theory. *Defense & Security Analysis*. 35: 40-58.
- Dugan, 1998** – *Dugan, J.C.* (1998). Elusive armies and invisible hands: combining conventional and guerrilla forces from 1776 to the present. Monterey: Naval Postgraduate School, 164 p.
- Dyupui i dr., 1998** – *Ehrnest Dyupyui, R.* (1998). Trevor N. Dyupyui. Vsemirnaya istoriya vojn [World History of Wars]. Vol. 4 (1925–1997). Moscow, «Poligon – AST» Publ., pp. 35-36. [in Russian]
- Eyvazov, 2017** – *Eyvazov, J.* (2017). Sek'yuterizatsiya i regional'naya aktivnost' derzhav na primere Rossii v ukrainskom krizise [Securization and Regional Activity of a major Power the Case of Russia’s Policy during the Ukrainian Crisis]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 15(4): 156-173. [in Russian]
- Fridman, 2017** – *Fridman Ofer.* The Danger of “Russian Hybrid Warfare”. Cicero Foundation great Debate Paper. 2017. No.17/05. 16 p.
- Fox, Rossow, 2017** – *Fox, A.C., Rossow, A.J.* (2017). Making Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo–Ukrainian War. *The Land Warfare Papers*. 112.
- Ginestet, 2019** – *Ginestet, A.* Climate-security nexus: System Theory of Violence and Complexity Architecture. COBAWU Institute, Wuppertal, Germany, February15th. November 2019. 8 p.
- JP 3-13, 1998** – Joint Pub 3-13 «Information Operations», DOD US, December 1998. [Electronic resource]. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf

- Harsin, 2015** – *Harsin, J.* (2015). Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies. *Communication, Culture & Critique*. 8(2): 327-333.
- Ilin, 1992** – *Ilin, I.A.* (1992). Chto sulit miru raschlennye Rossii [What promises the dismemberment of the world Russia]. Moscow: Peresvet Publ., 64 p [in Russian]
- Liddel Hart, 1954** – *Liddel Hart, B.H.* (1954). Strategy The Indirect Approach. New-York, 560 p.
- Luntovskij i dr., 2010** – Denezhnoe obrashhenie Rossii: Istoricheskie ocherki. Katalog. Materialy arkhivnykh fondov [Monetary circulation of Russia: Historical essays. Catalog. Materials of archival funds]: In 3 volumes. Bank Rossii; [red. sovet: G.I. Luntovskij, A.N.Sakharov, A.V.YUrov]. Moscow: INTERKRIM-PRESS Publ., 2010. [in Russian]
- Manojlo, 2015** – *Manojlo, A.V.* (2015). Tsvetnye revolyutsii v kontekste gibridnykh vojn [Color revolutions in the context of hybrid wars]. *Pravo i politika*. 10: 1400-1405. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.10.15308 [in Russian]
- Maltsev, 2012** – *Mal'tsev, D.* (2012) «Chernye mify» o russkikh tsaryakh ["Black myths" about Russian tsars]. *Russkaya narodnaya liniya*. [Electronic resource]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/05/31/chernye_mify_o_russkih_caryah/ [in Russian].
- Markus, 2014** – *Markus Dzh.* (2014). Gibridnaya vojna Putina – golvnaya bol' NATO [Putin's hybrid wave is the head of NATO] BBC. [Electronic resource]. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/12/141106_nato_russian_strategy [in Russian].
- McDermott, 2017** – *McDermott, R.N.* (2017). Russia's Electronic Warfare Capabilities to 2025: Challenging NATO in the Electromagnetic Spectrum. International Centre for Defence and Security. Tallin. 48 p.
- Murray, Mansoor, 2012** – *Williamson, M., Mansoor, Peter R.* (2012). Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. Cambridge University Press.
- Ogarkov, 1977** – Internatsional'nye brigady v Ispanii [International brigades in Spain]. Sovetskaya voennaya ehntsiklopediya (v 8 tt.). Pod red. N. V. Ogarkova. Vol. 3. Moscow: Voenizdat Publ., 1977. p. 567. [in Russian]
- Ofitsial'nyj sajt OON, 1989** – Mezhdunarodnaya konventsiya o bor'be s verbovkoj, ispol'zovaniem, finansirovanem i obuchenem naemnikov. Prinyata rezolyutsiej 44/34 General'noj Assamblei ot 4 dekabrya 1989 goda [International Conference on Countering the Use, Financing and Training of Mercenaries. Resolution 44/34 General Assembly of 4 December 1989]. UN website. [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml [in Russian]
- Parmar, 2012** – *Parmar, I.* (2012). US Presidential Election 2012: Post-Truth Politics. *Political Insight*. 3#2: 4-7.
- Pershin** – *Pershin Yu.Yu.* (2020). Gibridnaya vojna: neulovimye armii i nevidimye ruki [Hybrid warfare: elusive armies and invisible hands]. *Voprosy bezopasnosti*. 2: 48-71. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.2.32680 [in Russian]
- Rybalkin, 2000** – *Rybalkin, Yu.* (2000). Operatsiya «X». Sovetskaya pomoshh' respublikanskoj Ispanii (1936–1939) [Operation "X". Soviet aid to Republican Spain (1936–1939)]. Moscow, pp. 43-45. [in Russian]
- Savin, 2016** – *Savin, L.* (2015). Kto pridumal gibridnuyu vojnu? Pentagon obvinyaet Rossiyu v sozdanii novykh form boevykh dejstvij [Who invented the hybrid war? Pentagon accuses Russia of creating new forms of hostilities]. *Stoletie*. [Electronic resource]. URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/kto_pridumal_gibridnuju_vojnu_615.htm [in Russian]
- Sharp, 1973** – *Sharp, G.* (1973). The Politics of Nonviolent Action. Boston, MA: Porter Sargent. 72 p.
- Simonov, 2016** – *Simonov, A.* (2016). Informatsionnaya vojna Zapada protiv Ivana Groznogo [Information war of the West against Ivan the Terrible]. *Voennoe obozrenie*. [Electronic resource]. URL: <https://topwar.ru/102277-informacionnaya-vojna-zapada-protiv-ivana-groznogo.html> [in Russian]
- Tikhanychev, 2019** – *Tikhanychev, O.V.* (2019) «Gibridnye» voiny: istoriya, sovremennoe sostoyanie, osnovy protivodeistviya ["Hybrid" warfare: history, current state, and framework for countermeasures]. *Natsional'naya bezopasnost'*. 1: 39-48. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.1.28100 [in Russian]

Vypasnyak i dr., 2013 – *Vypasnyak, V.I., Tikhanychev, O.V., Gakhov, V.R.* (2013). Kiber-ugrozy avtomatizirovannym sistemam upravleniya [Cyber threats to automated control systems]. *Vestnik Akademii voennykh nauk.* 1(42): 103-109. [in Russian]

Развитие теории "гибридного противоборства": историческая ретроспектива

Олег Васильевич Тиханычев ^{a, *}

^aГруппа компаний «Техносерв», Москва, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время в научных кругах интенсивно обсуждаются новые методы военного и невоенного решения геополитических проблем. Одна из новых концепций – так называемая «гибридная война». Некоторые западные теоретики приписывают нашей стране авторство и активное использование данного подхода в современных условиях.

В статье проанализированы основные составляющие «гибридных» действий и, на основе анализа исторического опыта сделан вывод о том, что данные подходы имеют глубокие исторические корни. Речь идёт не о классическом наёмничестве, а именно о «гибридных» действиях, когда скрывается заказчик и цель привлечения наёмных формирований, а военные действия сопровождаются экономическим противоборством и массированными информационными атаками. Примеры таких действий, как показал исторический анализ, можно найти уже в войнах XV-XVII веков. И лидерами в их организации являлась не наша страна, а государства англосаксонского блока.

На основе анализа опыта ведения войн и вооруженных конфликтов сделан вывод о том, что угроза «гибридных» действий крайне актуальна в настоящее время и в обозримой перспективе. Более того, определено, что в перспективе могут быть использованы и другие «гибридные» подходы к решению геополитических проблем, встречавшиеся ранее в истории, но модифицированные с учётом новых условий развития цивилизации. Сделан вывод о необходимости обеспечить готовность России к парированию подобных угроз, описаны возможные аспекты противодействия.

Ключевые слова: гибридные войны, историческая ретроспектива, «мягкая сила» в истории, война в «серой зоне», перспективные военные концепции.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: tow65@yandex.ru (О.В. Тиханычев)